

Солженицын Александр

30.07.98

16

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА 30.07.98

СТИЛЬ ЖИЗНИ

«ПОСЛЕДНЯЯ СЪЕМКА СТРАНЫ»

Александр Солженицын и его книга «Россия в обвале»

Борис Любимов

...нужно было обязательно дать последнюю съемку страны...

Александр Солженицын,
30/IX 1984 г.

Эту книгу я пишу лишь как один из свидетелей бесконечно жестокого века России — запечатлеть, что мы видели, видим и переживаем.

Александр Солженицын.
«Россия в обвале»

KНИГА Александра Солженицына «Россия в обвале» — едва ли не самая горькая и мучительно трудно читаемая. Казалось бы, в сравнении с судьбами Ивана Денисовича, Нергина, Костоглотова, жертв «Красного колеса» и ГУЛАГа что наш «обвал», с ежедневными фестивалями, презентациями, конкурсами красоты, телевизионными «трэп-шоу», роскошными магазинами, отсутствием очередей, свободой печати, свободой совести и прочими преметами 90-х годов, из которых иные, право же, вызывают благодарное чувство? Но вот поди ж ты, читать «Россию в обвале» больно.

Во-первых, когда в 62-м году читал «Ивана Денисовича», в подсознании было: «это было пятьдесят лет назад», и если об этом можно говорить вслух, значит, этого нет и никогда не будет. И если последние произведения Солженицына читались по преимуществу в сам- и тамиздатах, то все равно временной разрыв успокаивал — то 15–20 лет («В круге первом» и «Раковый корпус» в конце 60-х), то 20–50 лет («Архипелаг ГУЛАГ» в середине 70-х), то семьдесят лет («Красное колесо» в середине 80-х).

«Россия в обвале» написана с пылу с жару, это мы в 90-х и даже в 98-м (есть ссылки на газетные сообщения текущего года, скажем, на «НГ» от 11.3.1998 г.). И это при том, что книга подпасана в печать 13 мая 1998 г. Стало быть, до последних дней шла работа над книгой, в нее входили последние свежие газетные известия. Разве что Достоевский составил с Солженицыным в этой крестной муке захваченности свежим газетным фактом.

Что принесли последние два месяца, что могло бы опровергнуть солженицынское восприятие «текущей минуты», по выражению Достоевского? Шахтеры. «Мой Дагестан». Финансовый кризис. Дело Статистиков. Гром над Газпромом. Смерч над Москвой. Фактами писателя не оспорить.

Да и не в фактах главная боль от чтения «России в обвале». Разрушена (и, кажется, уже до конца?) в ком только из нас не теплившаяся надежда, что с падением власти большевиков кончатся наши беды. И то сказать, беды 18-го и 28-го, 38-го и 48-го, беды 58-го и 68-го и впрямь кончились. Царскую семью и священнослужителей не убивают, вместо коллективизации и национализации — приватизация, неп не отменяют, в ГУЛАГ не гонят, космополитов не громят, Пастернака не исключают из Союза писателей, в Прагу войска не вводят. Но гнетущее чувство поражения России, и как раз именно того, что в ней тебе дорого, начавшееся с русско-японской войны и 1905 года (вспомним «Вехи» и дискуссию 1909 года, недаром Солженицын пишет о 90-летнем пути, не о восьмидесятилетнем), с убийствами Столыпина, с августа 14-го или марта-апреля 17-го, — Россия потерпела самое большое и, в сущности, первое в своей истории поражение (в 1240 году была побеждена еще не Россия, а Киевская Русь). Наше дело правое — мы проиграли. Мне уже приходи-

театра и тысячи зрителей, 987 раз собирающиеся в его зале на спектакль «Дни Турбиных», — учитель, врачи, служащие, офицеры, инженеры, жившие «во времена немыслимого бытия», прожили немыслимо горькую и достойную жизнь, полагаю без ложной гордости, как ни одна страна в мире. Можно ли предполагать, что эта «карамазовская жажда жизни» в XXI веке иссякнет или выродится в смердяковское лакейство? Можно, конечно, но с тем же или чуть большим основанием рискнем предположить, что этой силы России хватит еще надолго. Сам Солженицын, в начале мая 98-го года выступая в Доме архитектора, сказал, что сегодняшнюю ситуацию в России он оценивает как «50 на 50». Поскольку я, как

ших высоких мыслителей ХХ века», назвал старость «драгоценной возможностью увековечения жизни». Александр Солженицын использует ее в полной мере — и в этом смысле служит примером для тех, кто вместе с ним и вслед за ним переживает тяжесть существования «России над бездной», по слову Достоевского.

Я хочу написать завещание, Срок исполнится. Все свершено, — кажется, нет более чуждых Солженицыну строк, нежели эти, по-своему сильные строки отнюдь не стартов в пору их написания Георгия Адамовича.

И последнее. «Русский вопрос к началу XXI века», перефразируя название одной из работ Солженицына, представляется отнюдь не упраздненным ходом со-

писал Солженицын, то удивляться надо не тому, что у нас убивают, грабят, воруют, предают, спиваются, гибнут от наркотиков, вымирают, а тому, что большая, на мой взгляд, подавляющая часть населения живет, работает, рожает, учится. Удивляюсь не тем солдатам, что дезертируют и убивают своих командиров, а тем, кто в таких условиях продолжает жить. Восхищаюсь врачом, за нищенскую зарплату буквально выхаживающим больного. Учителями, ночами читающими сочинения учеников, влюбляющими их в историю, литературу, языки; директором школы, создающим в школе такой образ жизни, что школьники не хотят с ним расставаться (пример такой школы приводит и Солженицын); рядовым священником, понимающим, что в наше время, как и в начале века, надо не отлучать от Церкви, а приводить к ней; актером, утром репетирующим, вечером играющим из любви к искусству; строителем, быстро, умело и честно строящим; издателем, выпускающим умные и талантливые книги, и читателем, их покупающим и читающим. Удивляюсь не тому, что наши спортсмены проигрывают чаще, чем раньше, а тому, что иные из них способны выигрывать в атмосфере всеобщего поражения. (Только вдумайтесь: французы поют свой гимн уже 200 лет, а у нас он за 80 лет сменился трижды — не оказывается ли и это на психологию спортсмена, не только «сумма прописью»).

Открыв первые номера за этот год столь разных журналов, как «Новый мир», «Знамя» и «Континент», читатель убеждается, что с гениями пока перебой, а одаренных прозаиков, поэтов и критиков ничуть не меньше, чем 10–15 лет назад, а значит, литература есть.

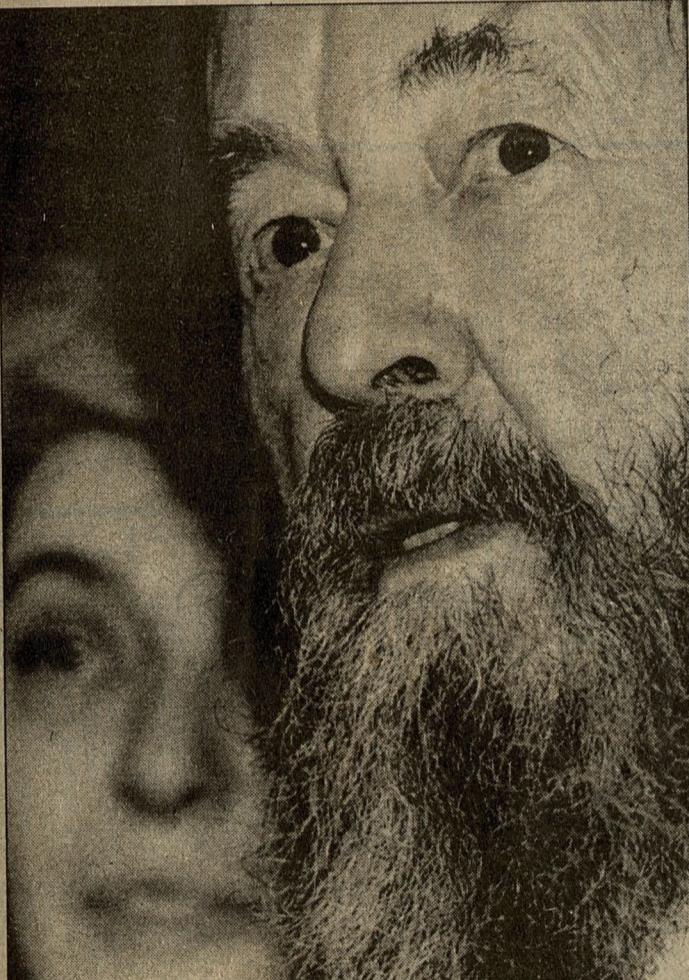
Присуждение Солженицynской премии Владимиру Топорову — крупнейшему филологу мира последних четырех десятилетий, на мой взгляд, — лишнее свидетельство того, что и гуманистическая мысль России не в прошлом и не в отъезде.

Особо хочу отметить одно место в книге Солженицына.

«И наконец: не все же новобогаты — с обезумевшим вольным сердцем. Есть же среди них и открытые к благотворению, как это всегда велось на Руси. Среди новоизбранных предпринимателей, утвердившихся денежно, есть же и порядочные люди — и они своим благотворением уже помогают добрым начинаниям. А другие — помогут завтра. У тех из них, кто сознает ответственность перед судьбой России, есть большие возможности повлиять на качество нашего образования, культуры — а даже и шире того».

Эй, не перебарщаем ли мы в своих анекдотах о «новых русских»? Нет ли в них зависти владельца «Жигуля» к хозяину «Джипа» и не стоит ли завистнику подумать о том, что для пешехода они оба равны?

Этот слой населения, в 90-е годы массе своей России навредивший, в XXI веке может и должен ей ох как помочь. Исторически — происходит процесс перехода власти поколения партగоров поколению комсогоров. Когда последний пионервожатый отдаст «власть ключей», выяснится, что в России еще не все потерянно. Сегодняшние старшеклассники и студенты кажутся мне умнее, талантливее и свободнее, чем мои сверстники в их возрасте. Пути, испробованные их ближайшими предками, — тупиковые. Те, которымишли предки отдаленные, — затерялись. Остался один — «путь наверх», предложенный 20 лет назад в исторической Гарвардской речи Солженицыным. После поражения, из обвала — выход один.

Alexander Solzhenitsyn.
Foto Freda Grinberga (НГ-фото)

Николка Турбин, «по натуре своей более склонен к оптимизму», интуитивно я бы дал моей стране более высокий процент выхода из-под обвала.

И первый «гарант» моего оптимизма — сам Александр Исаевич. На каждом этапе жизни, доступном внимательному и тактичному исследователю, он выходит победителем после поражения на фронте, в лагере, в ссылке, в рабочем корпусе, в эмиграции, в борьбе с КПСС или нахрапистой «образованщиной», прежде или нынешней, он неизменно делает то, что он считает нужным, на пределе сил. А их всякий раз оказывается больше, чем можно было бы предполагать. Вот уже в одной из недавних крохоток он благодарит Господа за то, что «еще один полный день даровал мне Господь», а в текущем восьмидесятому году и том публицистики выпустил, и на вечере в Доме архитектора несколько часов не сходил со сцены, и в Калужской губернии побывал, и в «Новом мире» критические силуэты печатает, и, надо полагать, «Зернышко» скоро выпустит, а на помянутом вечере и о существовании еще нескольких книг помянул. Подобная энергия не снялась ни восьмидесятилетнему Толстому, ни восьмидесятилетнему Бунину. О. Сергию Булгакову, упомянутый Солженицыным в перечне «на-

бытий. Принимая всю горькую правду российской жизни второй половины 90-х годов, описанную Солженицыным в книге, названной им «последней»: «на все эти темы», я старательно отмечаю все примеры, из которых явствует, что мы еще «не добиты».

«Но личные встречи — при объезде областей и малых городов — перевешивают отчаяние этих жалоб. И — письменные проекты настойчивых действий, их шлют средневозрастные и молодые интеллигенты.

Нет, еще — не добиты люди. Еще — их глаза и помыслы. Еще — есть энергия добрых действий, только поле ей — в малом радиусе вокруг человека, а дальше — стены, перегорожено. И — не собрать каждому такому отдельному широкой общественной поддержки.

Однако мы — не первый век живем, но уже 11 веков, и не первая эта проверка народа на выстойку — в этот раз против временных криминальных власти и той сиродной неразберихи, в какую они увязли жизнь России.

Наперекор всему, как нам не дают дышать, — тяга к общественной справедливости и тяга к нравственной жизни — нет, не загасли.

И сила их — тоже убедительна. Если жизнь такова, какою ее